

ВОЕННЫЙ ЦИНИЗМ: РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ И КОНЦЕПТ ПЕТЕРА СЛОТЕРДАЙКА

В.П. Макаренко,

Д.Н. Протасеня

Южный федеральный университет

Аннотация: *В основу статьи положена концепция военных цинизмов Петера Слотердайка. Авторы анализируют духовно-политическую ситуацию в современной России и приходят к выводу о том, что историю российских и советских войн следует рассматривать не столько под углом зрения героизма и победы, сколько как практическое воплощение трусости и наёмничества. Тот же вывод относится к группам, культивирующим агрессивный менталитет.*

Ключевые слова: *военные цинизмы, коллективная шизофрения, параноидальные системы, милитаризм.*

В современном российском обществе сложился тотальный цинизм, а во властно-управленческой иерархии возник путинизм — преобладание военных и представителей спецслужб на всех уровнях властно-управленческой иерархии [Гудков 2005; Гудков 2009; Травин 2009]. Взаимосвязь между данными явлениями нуждается в исследовании. Наш подход к проблеме определяется ранее сформулированными концептологическими посылками и исследованиями специфики российского милитаризма [Макаренко 2009а; Макаренко 2013]. Главная цель данной статьи — вписать этот подход в общую социально-философскую концепцию. Начнем с кино.

Раскопка аргументов

Фильм «Семнадцать мгновений весны» был хитом советской телепродукции и популярен до сих пор. Его политическая идея известна со школьных учебников: Штирлиц занят разрушением возможностей закулисного сговора между гитлеровской Германией и США в последний период второй мировой войны. Однако недавно опубликована записка бывшего советского журналиста и разведчика Эрнста Генри. Он эту идею отвергает. Называет её «продуктом творчества Вышинского по заданию Сталина». Однако фильм про Штирлица знают все. Он даже вошёл в анекдоты, сработанные по шаблону анекдотов про майора Пронина. Нынешний интерес к теме советского внешнего и внутреннего шпионажа подогревается политикой ностальгии по СССР [Ганюшкина 2014: 170–179]. Тогда как публичных дискуссий о

записке Э. Генри нам не подалось. Между тем в ней тоже есть сюжет для шпионского сериала.

Э. Генри написал записку в апреле-октябре 1966 г., но послал её не в международный трибунал, а занёс в ЦК КПСС. Там записку на пятьдесят лет положили под сукно. Советских бонз устарила главная идея записки: вся внешняя политика Сталина — сплошной провал. Эта идея становится актуальной на фоне стремления политических сил из «Единой России» полностью оправдать сталинскую политику, особенно во время войны¹. Значит, не мешает покопаться в аргументах заслуженного шпиона, да ещё с фамилией Ростовский.

Однофамилец нашего города показывает, что у Сталина были устарелые представления о механизмах выработки политики. В 1944 году он запретил проводить революцию во Франции. Заключил сделку с Черчиллем и Рузвельтом о процентном соотношении влияния Британии и СССР в Румынии, Греции, Югославии, Венгрии, Болгарии для того, чтобы предотвратить вспышку гражданской войны в ряде стран. Но «предотвратить в ряде стран гражданскую войну», — считает Генри, — означало предотвратить социалистическую революцию. «Зная об известных всем нам теперь сделках Сталина с Гитлером, — пишет Генри, — „принципиально“ отметить возможность его сделки с Черчиллем примерно на тех же началах не приходится». При заключении «процентного соглашения» с Черчиллем и Рузвельтом Сталин «продолжал изобретенную им политику, которую, надо думать, он считал гениальной, выдержанной на уровне самого Талейрана, — политику перекройки карты мира не путём революций, как это предвидел Ленин и как этого ожидало международное рабочее движение, а путём тайного, закулисного сговора с империалистами» [Генри 2007: 33].

Иными словами, Э. Генри подсказывает нынешним кинопродюссерам идею: создать фильм о сделке между Сталиным, Черчиллем и Рузвельтом по образцу Мюнхенского сговора 1938 года и советско-германского пакта 1939 года, послуживших толчком к развязыванию второй мировой войны.

Отправные точки для будущего киносценария таковы. Сталин отдал Париж за Варшаву. Между тем летом 1944 года именно столица Франции была главным международным рычагом, с помощью которого социализм действительно мог «перевернуть континент». Ум Сталина был натренирован в тактике подспудной внутривластной борьбы с помощью репрессивных органов. В области международных отношений этот ум был разновидностью восточного талейранства. Сталин был утилитарен и слабо образован. Это объясняет ограниченность его политического зрения. Реальным во внешней политике Сталин считал только то, что лежало поближе к его огороду, то есть, к государственным границам СССР. Сталин подходил к мировой политике по-хуторянски, хотя в середине XX века прежние измерения политической мощи и безопасности великих держав на основе ситуации у их непосредственных границ уже были аннулированы военной и политической техникой. Вместо большой международно-революционной политики он проводил малую великорусскую политику царей. Он не верил в рабочий класс, а верил только в себя, вооруженные силы, хитрость и репрессивные органы. «Полицейская точка зрения, — констатирует Генри, — всегда имела немалое значение в отношении Сталина к вопросам и людям международного коммунистического движения» [там же: 73].

Эрнст Генри описывает региональные и страновые следствия полицейского мышления Сталина. А в заключение подводит итоги внешней политики Сталина с 1944 года². В ре-

¹ Примером могут служить книги В.Р. Мединского [Мединский 2014].

² В актив он записывает: 1. Возникновение восьми новых социалистических государств в Европе, на территориях, уже оккупированных Красной Армией, или связанных с ней вооруженными силами. 2. Оттеснение германского милитаризма за Эльбу — по ту сторону оккупированной советскими войсками территории. 3. Возникновение в Азии КНР — новой социалистической великой державы, благодаря разгрому Квантунской армии советскими войсками и вопреки расчетам Сталина на сделку с чанкайшистами. 4. Возникновение двух других социалистических государств в Азии: Северной Кореи (на территории, уже оккупированной Красной армией) и Северного Вьетнама (на территории, граничащей с Китаем). 5. Колоссальное усиление военно-политической

зультате сталинской внешней политики СССР попал в двойную осаду: антисоветский блок на Западе; антисоветский социализм в Азии. Никакой объективной необходимости попасть в такую осаду не было. Туда завела только внешняя политика Сталина, которую Генри называет социалистическим цезаризмом [там же: 103–104]. Но нетрудно увидеть, что упущенные возможности, о которых пишет Генри при критике Сталина, привели бы к многократному усилению этого цезаризма. Поэтому критика статус-кво со стороны действующих или отставных шпионов всегда должна восприниматься с подозрением³.

Итак, внешняя политика Сталина базируется на полицейском мышлении, от которого несвободны и разведчики, критикующие Сталина на основе использования идей Троцкого. Тема генезиса полицейского мышления на вершине государственной иерархии уже поставлена в литературе. Например, в записках бывшего работника ЦК КПСС читаем, что заведующий международным отделом ЦК КПСС Б.Н. Пономарев отличался полицейско-пропагандистским образом мысли и действия, для которого характерны: разврат и практика эксплуатации чужих мозгов; абсолютное пренебрежение к реалиям социально-политических процессов; политический оппортунизм и циничное самодержавие [Черняев 2008: 510, 520]. Эти феномены А.С. Черняев связывает с отсутствием механизмов выявления кадров для государственной деятельности и общим процессом старения государства: «КГБ не то место, где вырабатывается ... доверие как политическое качество государственного деятеля... При Брежнев и после мы гальванизируем память о войне. И это, скорее всего — старение государства, которому необходимо (сознательно или нет) эксплуатировать память о „величии“» [там же: 528, 604].

Политический идиотизм и феномен старения государства

Де Голль в 1957 г. сказал, что эпоха гигантов в политике прошла. Эйзенхауэра, Хрущева и Макмиллана он назвал идиотами [Гриневский 1998: 255]. В современных словарях термин

мощи Советского Союза, вызванное победами Красной армии и достижениями советской науки в области атомной физики и ракетостроения. 6. Территориальное расширение СССР на Западе и Востоке. Но пассив намного внушительнее: 1. Запрет на народно-демократическую революцию во Франции. В результате — спад революционной волны по всей западной части европейского континента после разгрома фашизма. 2. Восстановление буржуазных режимов во всех находившихся в руках Гитлера европейских странах за пределами зоны советской оккупации. 3. Стремительное возрождение реваншистского германского милитаризма за Эльбой. 4. Заключение военного союза между Западной Германией и великими державами капиталистического мира. 5. Неудача попытки овладения Западным Берлином. 6. Спад послевоенной революционной волны в Италии и Греции, утрата важнейших позиций у Адриатического и Эгейского морей. 7. Распространение политики культа личности на новые социалистические государства в Европе. В результате — сотрясения внутри новой социалистической системы в последующие годы: мятежи в Берлине и Венгрии, волнения в Польше, разрыв с Югославией, осложнения с Румынией, переход Албании в китайский антисоветский лагерь. 8. Прекращение сотрудничества военных лет между СССР и США, Англией, Францией, переход к длительной и изнурительной «холодной войне». 9. Распространение культа личности на Азию, поощрение маоцзедуновской диктатуры внутри китайской компартии. В результате — возникновение нового антисоветского лагеря в Восточной Азии и раскол мирового коммунистического движения. 10. Безуспешная атака на национальную буржуазию в Индии, Индонезии, Бирме, Малайе, на Филиппинах. В результате — отсрочка сближения между СССР и азиатским нейтралитаризмом. 11. Безуспешная атака на буржуазию Турции и Ирана. В результате — присоединение стран Ближнего Востока в антисоветскому Багдадскому пакту (ныне СЕНТО). 12. Безуспешная атака на японскую буржуазию. В результате — дальнейшее сближение Японии с США. 13. Безрезультатная война в Корее, способствовавшая новому сплочению антисоветских сил в капиталистическом мире. 14. Объединение всех империалистических государств в мировой антикоммунистический блок НАТО-СЕНТО-СЕАТО-АНЗЮС, вслед за окончательным провалом попыток антианглийских кругов в Вашингтоне договориться во Сталиным о прямом американо-советском соглашении относительно Германии. 15. Систематическое дальнейшее ухудшение советско-американских отношений. 16. Спад окрепших в годы войны просоветских настроений среди широких масс капиталистического мира в результате внутренней и внешней политики СССР.

³ Свежим примером может служить книга генерал-лейтенанта Н.С. Леонова «Лихолетье» [Леонов 1997], в которой те же шаблоны политического мышления.

идиот имеет двоякий смысл: частное лицо, не участвующее в общественной и политической жизни; человек с глубокой умственной отсталостью. Какой из этих смыслов более применим к теме нашей статьи?

Для ответа возьмем пару книг О.А. Гриневского. Он изнутри наблюдал советскую политику «мирного сосуществования» при Н.С. Хрущеве и политику «разрядки» при Л.И. Брежневем. Приведем несколько эпизодов.

Хрущев во время первого визита в США дал Джону Кеннеди визитную карточку с припиской: «Дорогой Джон... Может быть, эта карточка поможет вам выбраться из тюрьмы, когда произойдет революция» [там же: 54]. Его речи перед бизнесменами, конгрессменами и политиками были однообразны: «Из выступления в выступление он на разные лады назойливо разыгрывал один и тот же спектакль: вы капиталисты, а мы коммунисты — давайте дружить и мирно соревноваться, а потом мы вас всё равно закопаем» [там же: 55]. Когда американцы предположили, что русские начнут строить огромный подводный флот (в ответ на его призывы к снятию крейсеров), Хрущев тут же отреагировал: «Как раз наоборот. Мы сейчас начинаем приспособливать подводные лодки под ловлю селедки» [там же: 76].

Хрущев специально сорвал встречу в верхах: «Хрущев в это время отдыхал, принимая ванну, в резиденции советского посла. Накануне Виноградов (посол СССР во Франции, — *В.М., Д.П.*) рассказал ему историю, как русский император Александр III ловил рыбу в пруду и кто-то из свиты прибежал к нему со срочным обращением от германского кайзера. Однако царь даже не обернулся. „Пусть Европа подождет, пока русский царь рыбу ловит“, — бросил он через плечо. Хрущеву эта история понравилась. Теперь, лежа в ванне, он кричал: — Пусть весь мир подождет, пока Первый секретарь ЦК КПСС помоеется!» [там же: 290].

Эти факты позволяют усомниться не только в нормальности первого секретаря ЦК КПСС, но и всей российской традиции отношения к другим европейским государствам. В этой традиции ужение рыбы и посещение бани первыми лицами империи ставятся выше мировых событий. Но такая шкала ценностей частично определяется спецификой политического общения и риторики: «Нет ничего более банального и серого, чем беседы политических лидеров. И Хрущев отнюдь не отличался ни игрой ума, ни изяществом» [там же: 75]. Причины данной банальности и серости надо объяснить, поскольку здесь существует сходство между США и СССР.

Эйзенхауэр жаловался Хрущеву: «Наши военачальники приходят ко мне и говорят: „Господин президент, нам нужны такие и такие суммы денег на такие и такие программы. Если мы не получим их, то отстанем от Советского Союза“. Я вынужден соглашаться. Так они вытаскивают из меня деньги. А затем требуют ещё, и я даю снова. А теперь расскажите, как это происходит у вас? — Точно так же. Военные из министерства обороны приходят и говорят: „Товарищ Хрущев, посмотрите, американцы разрабатывают такую-то и такую-то систему. Мы можем разработать такую же, но это будет стоить столько-то и столько то“. Я отвечаю, что денег нет, они все уже распределены. Тогда они говорят: „Если вы не дадите денег, то в случае войны противник будет иметь преимущество“. Разговор продолжается, я сопротивляюсь как могу, но в конце концов приходится отдавать военным то, что они просят» [там же: 94–95].

Значит, при суждении о нормальности руководителей государства надо учитывать влияние на них военно-промышленного комплекса. Чем больше это влияние, тем больше шансов правоты у покойного де Голля⁴.

⁴ Например, в результате влияния военно-промышленного комплекса потерпела крах советская политика «мирного сосуществования», которую пытался проводить Хрущев. Главной причиной краха было недовольство данной политикой со стороны военно-промышленного комплекса. Этот гигантский спрут охватывал восемьдесят процентов промышленных предприятий Советского Союза. Поэтому политические инициативы превращались в пропагандистские акции. Ни в Генштабе, ни в Министерстве Обороны, ни в научных институтах никогда не делалось детальных проработок сокращения и ликвидации вооружений. Это Хрущев знал. «Поэтому для

О.А. Гриневский показал, что главный секрет холодной войны состоял в том, что СССР далеко отставал от США по ракетно-ядерным вооружениям, хотя советские руководители и СМИ всё преподносили наоборот. В этих условиях Министр Обороны Д.Ф. Устинов развернул производство ракет и боеголовок. Производители оружия стали самыми уважаемыми и преуспевающими людьми в СССР. Но дипломатия и военно-промышленный комплекс оказали роковую услугу стране. Малоэффективная советская экономика под гнётом гонки вооружений и силовой политики оказалась на грани краха. Непроизводительные военные расходы поглощали 15–20% ВВП страны ежегодно, тогда как в США они составляли всего 6% [Гриневский 2000: 7–9].

Ум Л.И. Брежнева был не менее банален, чем ум Хрущева. Каждый день Брежневу готовили 1–2 страницы всей мировой информации. Из неё отбирался десяток событий по темам: кто на кого напал; где случилось землетрясение или катастрофа; кто куда поехал, какой скандал с кем приключился. Генсек реагировал только на элементарные житейские ситуации и сердился на любые умные и глубокие обобщения [там же: 128, 14]. На этом фоне приобретали значение личные и институциональные отношения между Министерством иностранных дел, Комитетом госбезопасности и Международным отделом ЦК КПСС. С 1950-х гг. МИД конфликтовал с международным отделом ЦК КПСС по причине личной неприязни между Громыко и Пономаревым, а с шефом КГБ Андроповым Громыко дружил [там же: 162]. При таких условиях Политбюро ЦК КПСС прикрывалось Генсеком и превратилось в большое боярское гнездо, где каждый владел и управлял своей вотчиной. Согласие строилось на круговой поруке: ты не лезешь в мои дела — я не лезу в твои. На этой основе принимались главные политические решения. В этом боярском синклите никто друг другу не доверял. Лишь Андропов, Устинов, Громыко держались вместе и определяли военно-политический курс государства.

Политические взгляды этой «тройки» были таковы: Устинов занимал левый радикальный фланг, уповая только на силу, а разговоры о разоружении, политических и дипломатических средствах укрепления безопасности считал пустой болтовней для научных симпозиумов; Громыко занимал правый либеральный фланг, полагая, что безопасность должна строиться на сочетании военных и политических акций; Андропов находился в центре. Практически это выглядело так: Громыко выступал генератором идей достижения компромисса с Западом, но при выработке конкретных позиций никогда не шёл на конфликт с военными, особенно если видел, что Андропов на их стороне. В то же время поощрял заместителей на бескомпромиссность в отношениях с Министерством обороны и КГБ. Если не удавалось выработать совместную позицию, он соглашался с военными, полагая, что на них лежит главная ответственность за оборону страны. А Брежнев их слушался [там же: 333–334]. В конце книги О.А. Гриневский ссылается на беседу с Огарковым, который говорил: «Бога надо благодарить, что при таком боярском правлении случился только Афганистан. А ещё ведь могли быть и Польша, и Ближний Восток или даже ... страшно подумать — ядерная война... И такое обсуждалось» [там же: 334].

Стало быть, феномен политического идиотизма связан со старением государства и спецификой мышления профессиональных полицейских, военных и идеологов. Для анализа дан-

---

него всеобщее и полное разоружение было прежде всего красивой пропагандистской идеей, которая придаст новый привлекательный облик социализму, станет противопоставлением безудержной гонке вооружений, которую разжигают империалисты». Военные выступали за всеобщее и полное разоружение. Но за этим крылась хитрость. Она позволяла выступать против любых частичных мер в области сокращения или ограничения ядерных и обычных вооружений (которые предлагало Министерство иностранных дел СССР). По этим причинам пропаганда всеобщего и полного разоружения велась агрессивно, с шумом и бранью, так, что вызывала к себе инстинктивное недоверие и отторжение. Для среднего западного человека призывы СССР к борьбе за мир звучали так же абсурдно, как призывы трахаться во имя сохранения девственности. В выступлении перед учеными Хрущев говорил: «Вы должны понять, что мы просто обязаны вести политику с позиции силы. Мы не говорим этого вслух, но это так!» [Гриневский 1998: 306–308, 358].

ной специфики оттолкнемся от констатации Петера Слотердайка: «Современная политика приучила нас считать гигантское взаимопровоцирующее безумие вершиной реалистического сознания. Тот способ, каким две или более державы в хитроумном и изошрённом взаимодействии доводят друг друга до безумия, формирует у человека нашего времени его модель действительности. Тот, кто приспособливается к сегодняшнему обществу, приспособливается в конечном счете к параноидному реализму» [Слотердаик 2009: 349–350]. В состав такого реализма входит военный цинизм, который детально описан в капитальном исследовании Слотердайка.

Элементы реконструкции

Концепт военного цинизма можно разбить на четыре относительно самостоятельные проблемы: военный цинизм в контексте общих трактовок цинизма; критика героической этики; армия как социальная шизофрения; фашизм и атомная стратегия как формы параноидного реализма. Кратко рассмотрим эти темы.

Контекст военного цинизма. Петер Слотердаик оперирует тремя общими трактовками цинизма: как модернизированной формы просвещённого ложного сознания; как констант истории и типичных форм полемического сознания низов и верхов [там же: 333]; как продукта противоположности между официальной и неофициальной точками зрения на факты и события социального бытия. Третья трактовка цинизма входит в состав феноменологии полемических форм сознания. Циническое мышление проявляется только тогда, когда возможны официальный и неофициальный взгляд на вещи. Первый стремится завуалировать истину с позиции героя, второй желает её видеть во всей наготе с позиции камердинера. «В культуре, в которой регулярно лгут, возникает желание знать не просто истину, а неприкрытую истину, истину во всей её наготе» [там же: 334].

Феноменология кардинальных цинизмов — это анализ спорных форм сознания с кинической точки зрения. Таких форм шесть: военная, политическая, сексуальная, врачебная, религиозная и познавательная (теоретическая). Кардинальные цинизмы задают контуры истории войн в сфере духа. Слотердаик разрабатывает духовное оружие для этой цели.

Его *критика героической этики* базируется на определенных антропологических представлениях и включает анализ трёх типов мужского характера, трёх стилей ведения войны и трёх позиций сознания. Военный цинизм появляется тогда, когда в обществе возникают три типа мужских характеров: «герой», «склонный выжидать» и «трус». Формируется иерархия ценностей, на вершине которой находится герой; такими, как он, *должны* быть все; героизм становится качеством, присущим мужчинам цивилизации, ориентированной на борьбу и войну. Но в силу этого возникает необходимость в дрессуре человека с целью получить не существующее в природе распределение военных темпераментов. Трусовость должна быть переработана в героизм или в склонность выжидать. Эту противоестественную алхимию представляют собой все виды воспитания солдат. Культ агрессивного, победоносного воина проходит красной нитью через всю историю устных преданий и письменных источников. До сегодняшнего дня героика остается доминирующим культурным фактором.

Социальный смысл указанных типов характеров состоит в репрезентации трёх стилей ведения войны. Герои считают нападение лучшим видом обороны. Склонные выжидать составляют массу «разумной середины», которая вступает в борьбу только при крайней необходимости. Трус иногда может спастись, когда все прочие обречены на гибель. Однако говорить об этом открыто не дозволяется. Уделом труса должно быть презрение, потому что в противном случае не подействует алхимия превращения трусов в агрессивных воинов. Образ героя навязывается как образец для подражания всем мужчинам.

По отношению к этому идеалу возникают три позиции сознания, избираемые в зависимости от того, кем являешься ты сам. Герой сознает и чувствует себя блестящим и уверен-

ным в себе человеком, способным исполнить собственные мечты и мечты общества. Римляне устраивали возвращающемуся из похода победоносному полководцу триумфальное шествие через свой город, где он мог быть специальным государственным решением объявлен богоподобным, а вместе с ним и народ, который таким образом приучался «любить удавшееся». Этот апофеоз победителя, *культ успеха*, культ военного божества и культ удавшегося принадлежит к социально-психологическому наследию человечества. Сегодня этот опыт инсценируется на спортивных аренах, вплоть до чествования победителей олимпиад.

Вторую позицию занимает относительный герой, склонный к выжиданию. Он исполняет требования героической морали, но сражается и гибнет по необходимости. В современных армиях солдат воспитывается как воин, склонный выжидать. Только в определённых военных и политических группировках сохраняется агрессивный менталитет — таковы «ястребы», герои гонки вооружений, те, кто тоскует по гегемонии.

Третью позицию занимает трус. «В сознании труса содержится толика военного кинизма — и в то же время толика высокого критического реализма!» [там же: 340]. Трус не может ни признаться, ни освободиться от своей трусости. В нём начинает копиться критический потенциал, направленный против героической этики. Поскольку трус вынужден притворяться сам, он становится более чувствительным к притворству других. Когда герои и склонные выжидать гибнут под ударами превосходящего противника, выживает только убежавший трус. Отсюда сарказм: лошади — это то, что остаётся от героев.

Армия как институт коллективной шизофрении. На основе этих рассуждений Слотердаjk предлагает учитывать военные иерархии, которые соответствуют классовой структуре общества. В структуре феодальной армии сложились группы рыцарей-героев, наёмников, слуг. Каждая из этих групп имеет свою особую боевую мораль, разновидности которой соответствуют трём военным темпераментам.

Рыцарь сражается за определённые материальные интересы, социальный статус и собственный образ аристократа. Поэтому в его боевой морали особую роль играет мотив «чести». Наёмники превратили войну в профессию. Наёмный солдат (итальянское *soldi* означает «деньги») смотрит на войну как на рабочее место, а не как на арену, где надо проявлять геройство. Наёмники — это профессиональные «выжидатели», они ведут войну, потому что война кормит их, и рассчитывают выйти живыми из боев. На низшей ступеньке иерархии стоит слуга-оруженосец, воюющий прежде всего потому, что ему волею случая выпало родиться крепостным рыцаря. Оруженосцы — это военный пролетариат, невидимый труд которого включался в победы господ. У слуги не было никакого «собственного» мотива сражаться, кроме стремления сохранить свою собственную жизнь. Для него реалистично трусить всем сердцем.

Возможность для появления и развития военного цинизма открывается на самой нижней позиции. Его первый представитель — Санчо Панса. Этот маленький умный крестьянин знает, что имеет право на трусость, точно так же, как его бедный господин Дон Кихот исполняет долг быть героем. Санчо Панса видит сумасбродство и слепоту героического сознания. Это дерзкое военное Просвещение, которое неумолимо осуществляет Сервантес, позволяет постичь, что древняя страсть к героическим подвигам есть анахроническая дрессура и что все представляющиеся благородными поводы для вступления в борьбу — не что иное, как чистые проекции, исходящие из рыцарской головы. Тогда ветряные мельницы оказываются великанами, проститутка — дамой, заслуживающей любви героя. Чтобы оказаться в состоянии увидеть это, самому рассказчику нужен реалистический, пехотный, плебейский взгляд, а также социальное дозволение говорить на языке, который соответствует этому «взгляду».

Устройство армии вплоть до нынешнего времени обнаруживает парадоксальное переворачивание изначальной взаимосвязи между военной моралью и родом оружия. Античные и феодальные герои сражались один на один. Новый способ ведения войны обесценивает бой в одиночку; победа достигается благодаря строю и массовым передвижениям. Современная ор-

ганизация войск резко понижает значение героических функций — отчаянной атаки, удерживания любой ценой занимаемой позиции, боя один на один. Это значит, что требования быть героем предъявляются всё чаще и больше к выжидающим или трусам. В современной пехоте приходится прибегать к шизоидной муштре, призванной воспитывать героев. Эта дрессура приучает к анонимной и неблагодарной храбрости перед лицом смерти. Высшие офицеры подвергаются меньшей опасности и всё более перекалдывают геройский риск смерти на солдат.

Эту модификацию Слотердайк называет циническим королевским реализмом. Властям предержавшим известно, что у бедняг в военной форме не может быть никаких героических мотивов; но они всё же должны быть героями и смотреть в лицо так называемой геройской смерти. Поэтому возникшие регулярные армии — «это первые социальные органы, которые методично практиковали шизофрению как коллективное состояние» [там же: 343]. В этом состоянии солдат есть не «он сам», а Другой — частица героической машины. Фридрих II говорил прусским солдатам: «Собаки, вы что же, собрались жить вечно?». «Здесь мы слышим речь просвещённого господского сознания на второй ступени его развития, — замечает Слотердайк. — Оно разоблачило надувательство с героизмом, но до поры до времени нуждается в героической смерти как в политическом инструменте ради славы Пруссии. И потому солдат должен сдохнуть красиво! С этого момента такое циническое самоопровержение сводит на нет все благородные анонсы сражений» [там же: 344].

Современное развитие видов вооружений сильно повлияло на противоречие между сознанием героя и сознанием труса. В целом верно правило: чем губительнее действует оружие на расстоянии, тем трусливее может быть тот, кто им вооружен.

После Средневековья возрастает значение видов оружия, убивающего на расстоянии, и превращение их в системы, предрешающие исход войны. С помощью ружья пехотинец без всякого риска мог уложить наиболее благороднейшего из рыцарей; в этом причина всемирно-исторического выбора в пользу огнестрельного оружия; при помощи пушки можно разнести в клочья толпу пехотинцев. Это и определило стратегический приоритет артиллерии, то есть «научного» вида вооружений, который, в наилучшей шизоидной манере, с закрытых позиций и на большой дистанции способен произвести наикосмарнейший эффект. Сегодняшняя военная авиация и ракетные системы — это развитие идеи артиллерии. Война, начиная с Первой мировой, идет под знаком артиллерийских сражений. Так возникает загадка шизофрении «безмянного героя», который переносил ужасы войны и был больше техником и чиновником, чем бойцом и героем.

Буржуазия унаследовала из феодальной эры частицу героизма, чтобы нести её в широкие патриотически настроенные массы. Но возможен ли буржуазный героизм? По мнению Слотердайка, ответ на вопрос содержится в солдатских традициях последних столетий: милитаризованная буржуазия ставила на карту всё, чтобы развить собственную героику; а неокиническое буржуазно-пролетарское течение пыталось утвердить свой собственный взгляд, прямо противоположный этому. В наполеоновскую эру в Европе начинается беспрецедентная милитаризация масс. Буржуазное общество возникает не только как следствие распространения капиталистических форм торговли и производства, но и как следствие широкого, «патриотически» мотивированного саморекрутирования общества в армию. Нация становится вооружённым отечеством, превращается в род супервооружения и сверхвооружённый род, который сплачивает политические Я. В революционных войнах девяностых годов XVIII столетия впервые появились прототипы национальной добровольческой армии и массовый героизм.

Национализация масс означает не только идеологическое, но и величайшее военно-историческое событие Нового времени. При этом коллективная шизофрения достигает нового исторического уровня; целые нации сами приводят себя в движение в своих внешнеполитических войнах. Отсюда возникает тенденция к тотальной войне, в которой вся обществен-

ная жизнь может стать средством для ведения войны — от университетов до госпиталей, от церквей до фабрик, от искусства до детских садов. На этой ступени кинизм труса и цинизм героя-буржуа вступают в ещё более сложные и запутанные противоречия. «Трусливое» желание остаться в живых нашло в национальном государстве новые формы выражения: эксплицитно оно выступило в форме пацифизма или интернационализма (социалистического или анархистского типа), имплицитно — как принцип Швейка, как исполнение своего долга спустя рукава, как симуляция и уклонение от службы. Тот, кто в Европе между 1914 и 1945 годом хотел представлять «партию собственного выживания», неизбежно должен был воспринять что-то от социалистов, пацифистов или Швейка.

Параноидный реализм: от фашизма к атомной стратегии. Иллюстрацией описанных феноменов для Слотердайка служит ситуация в Германии после Первой мировой войны. Здесь были представлены все типы характеров: солдаты-националисты — как герои, которые не желали видеть, что война проиграна; партии Веймарской республики — как выжидающие, которые желали предотвратить худшее; «спартаковцы», коммунисты, экспрессионисты, пацифисты, дадаисты и т. д. — как перешедшая в наступление «трусливая» фракция, проклинавшая войну вообще и требовавшая нового общества, построенного на новых принципах. Эти коллизии помогают понять, как немецкий фашизм обрёл своё историческое качество. Гитлер — это адепт мелкобуржуазного героизма, который приобрел остроту в стычках с германскими «трусами» переломного времени между 1917 и 1919 годом. Этот героизм превратился в фашизм, который был результатом прогресса военного цинизма. Фашизм — это реакция демобилизованных немецких солдат на совокупность «разрушительных» реализмов тогдашних швейков, пацифистов, «проклятых штатских», социалистов, «большевиков». Фашистский военный цинизм — это последняя глава книги «Буржуа как герой». Он имеет своей предпосылкой высокий уровень шизоидных извращений, приведших к тому, что даже мелкие буржуа типа Гитлера смогли уцепиться за образ героя.

Данный процесс отражает полную дезориентацию стремления сохранить свою жизнь. Это стремление связывает себя с милитаризованными национальными государствами, от которых на деле исходит наибольшая угроза надежде на жизнь. В шизоидном обществе индивиды часто утрачивают представление о том, как они могут следовать своему собственному и подлинному интересу жить, и сами превращают себя в составляющую оборонительно-разрушительной государственной и военной машинерии. Движимые желанием создать для себя защиту и безопасность, они связывают себя с военно-политическими механизмами.

Однако солдатский фашизм превзойдён военным цинизмом в эпоху атомной стратегии. Появление глобальных средств массового уничтожения превращает героизм в иллюзию. Противоречие между героями, «выжидателями» и трусами вступает в фазу хаоса. Приоритет обороны признаётся теперь всеми. Каждая из ядерных сверхдержав включает в свои стратегические расчёты героические, выжидательные и трусливые мотивы другой. Противники строят свою стратегию в расчёте на трусость другого. Но это трусость вооруженная, которая располагает готовым к бою героическим оружием. Трусливо-героические «выжидатели» не спускают друг с друга глаз, при этом отчаянно и стремительно вооружаясь. Место героя остаётся вакантным. Сегодня каждый знает о реальной и неизбежной трусости противника. Мир ещё жив потому, что и Восток и Запад считают друг друга трусливыми, вооружёнными до зубов швейками, у которых на уме только одно: как бы ещё немножко пожить на этой земле. Но с тех пор как военный процесс спустился на дно долины героически-трусливых «выжидателей», вся прежняя система ценностей рассыпалась в прах. Противоречие разрешилось в равноценность всех темпераментов. Геройство — дело хорошее, но склонность к выжиданию ничуть не менее хороша, а трусость ещё лучше. Прежнее негативное стало позитивным, а прежнее позитивное — негативным. Неужели теперь, когда военная эскалация достигла пика, действительная война стала излишней? — так ставит вопрос Слотердайк. По его мнению, на

этот вопрос не смогут ответить одни военные, особенно в эпоху, которая провозгласила иллюзорное главенство политики над военным делом.

Ответ германского философа таков. Опасность будет расти до тех пор, пока политические системы порождают средства, цели и идеи для военной конкуренции и соперничества в борьбе за гегемонию. Динамика вооружений в стратегической и научной сферах доказывает, что ситуация не изменилась к лучшему. Каждая из сторон по-прежнему фантазирует, что способность выжить — это способность защитить себя с оружием в руках; то, что именно готовность защищать себя с оружием в руках стала наибольшей угрозой для выживания, до сих пор ясно не видят. Каждый исходит из того, что только равновесие прогрессирующего утешения может обеспечить так называемый мир. Это убеждение одновременно *и* реалистично, *и* абсолютно параноидно; реалистично, потому что сложилось как отражение взаимодействия параноидных систем; параноидно, потому что в перспективе и по сути своей полностью нереалистично. Каждый оказывается впутанным в современный военный цинизм — если он только не противостоит ему отчётливо и сознательно. Повседневные миры стали параноидными системами.

В заключение Слотердаик формулирует главный вопрос духовно-политической терапии. Как субъекты власти могут понизить свою деструктивность и использование образа врага, если взаимодействие в данных системах до сих пор доказывало, что проявление слабости перед лицом противника всегда использовалось как удобный случай для нанесения удара? В такой структуре снижение напряженности и разрядка невозможны *a priori*. В условиях, когда все помешаны на обороне, «реалистично» оставаться в напряжении и в готовности к войне. Ценой больших усилий противники вынуждены добиваться создания территории, на которой становится возможным нечто вроде самоограничения. Иначе говоря, возникает возможность проявить слабость при сознании своей силы, чувствуя свою нестигаемость и непреклонность. Эта крохотная территория самоограничения до сих пор остаётся единственным плацдармом разума в военно-циническом процессе. От его расширения будет зависеть всё. Когда-то человеку было трудно научиться сражаться. Всё, чего он достиг на сегодняшний день, он достиг как борец. Но научиться не бороться ещё труднее по причине принципиальной новизны. Военная история будущего будет писаться на совершенно новом фронте борьбы за прекращение всякой борьбы. Решающими ударами станут ненанесённые. Они-то и сокрушат наши стратегические субъективности и наши оборонительные идентичности.

Злая тупость государства

Идеи Слотердайка позволяют развить ранее сформулированные одним из авторов этой статьи положения о феномене достижений и успехов и концепте когнитивного сопротивления [Макаренко 2009b; Макаренко 2012]. Историю российских и советских войн надо писать не столько под углом зрения героизма и победы (как гласит официальная точка зрения), сколько как практическое воплощение трусости и наёмничества. То же самое относится к группам, культивирующим агрессивный менталитет. Армия является институтом коллективной шизофрении. Чем губительнее действует оружие на расстоянии, тем трусливее является тот, кто им обладает. Первая мировая война заложила основу для шизофрении «безымянного героя» и трактовки нации как вооружённого отечества, в котором реализуется коллективная шизофрения. Фашизм есть результат военного цинизма. От милитаризованных национальных государств исходит наибольшая угроза надежде на жизнь, поскольку индивиды связывают себя с военно-политическими механизмами. Военный цинизм в эпоху атомной стратегии культивирует вооружённую трусость Востока и Запада. Эта эпоха провозгласила иллюзорное главенство политики над военным делом. Большинство людей впутано в современный военный ци-

низм. Поэтому повседневные миры стали параноидными системами. Главная проблема состоит в отчётливом и сознательном противостоянии данным системам.

Духовно-политическая терапия населения современной России может вдохновляться не только идеями германского философа Слотердайка, но и констатациями советского писателя, который зафиксировал феномен «злой тупости государства»: «Почти все советские люди — психические больные. Их неспособность слушать, тёмная убеждённости в кромешных истинах, душевная стиснутость и непронетриваемость носят патологический характер... Идёт великое мировое оглушение. Идиоты не только у нас, они завладели миром» [Нагибин 1996: 414, 418, 440]. В этой ситуации анализ ныне популярных кромешных истин, а также групп и институтов, их культивирующих и навязывающих всему остальному населению страны, приобретает практическое значение.

Ганюшкина Э.А. 2014. Дискурсивная борьба с «травматическим прошлым» образа российских спецслужб. — *Конфликтология*. — № 2.

Генри Э. 2007. *К вопросу о внешней политике Сталина (записка)*. Прометей. — М.: Русский раритет.

Гриневский О.А. 1998. *Тысяча и один день Никиты Сергеевича*. — М.: Вагриус.

Гриневский О. 2000. *Тайны советской дипломатии*. — М.: Вагриус.

Гудков Л. 2005. Цинизм «непереходного» общества. — *Вестник общественного мнения*. — № 2(76).

Гудков Л. 2009. Природа «путинизма». — *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. — Т. 101. — № 3.

Леонов Н.С. 1997. *Лихолетье*. — М.: Терра.

Макаренко В.П. 2009а. Политическая концептология: первые итоги разработки. — *Полис (Политические исследования)*. — № 6.

Макаренко В.П. 2009б. Феномен достижений и успехов. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 3.

Макаренко В.П. 2012. Проблема когнитивного сопротивления. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 2.

Макаренко В.П. 2013. Современный российский милитаризм. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 3–4.

Мединский В.Р. 2014. *Война. Мифы СССР. 1939–1945*. — Второе издание. — М.: ОЛМА Медиа Групп.

Нагибин Ю. 1996. *Дневник*. — М.: Книжный сад.

Слотердаик П. 2009. *Критика цинического разума*. — Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ.

Травин Д.Я. 2009. *Путинская Россия: от рассвета до отката*. — СПб.: Дело.

Черняев А.С. 2008. *Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы*. — М.: РОССПЭН.